

Из цикла «Мой собеседник, или Мост между прошлым и будущим_4»

Живое

О Виктории Пельше, скульпторе божьей милостью

В декабре 2016-го Виктории Робертовне Пельше исполнится 80*.

Сочтет ли нужным местный художественный бомонд отметить юбилей, гадать не берусь. Не исключаю, что опять помешает фамилия, как было во все времена, притом, что мне трудно представить себе другого человека, столь же удаленного от любых политических баталий и реалий.

Юбилей, если относиться к ним неформально и без предвзятости, хорошая возможность поблагодарить человека за все, что сделано и прожито. Двадцать лет назад, в смутные 90-е, когда работы Пельше диковинным образом словно бы разом изъяли из обращения – ни одной персональной выставки, редкие и скудные упоминания в прессе, - мы с искусствоведом, светлой памяти, Светланой Хаенко и оператором Анатолием Репие напросились к Виктории Робертовне в гости. Чтобы поговорить не второпях, заснять ее прежние и новые работы, сохранить их, говоря высоким слогом, для потомства.

Нам, считаю, несказанно повезло: собеседником Виктория Робертовна оказалась редкой пробы - предельно искренняя, ни тени от мэтра (при безусловном и органичном чувстве собственного достоинства), ни единой банальной, накатанной фразы, в каждый вопрос вслушивается, и ответ - мысль - рождается прямо на твоих глазах.

---

* Библиографическую справку о Виктории Пельше и ее творчестве смотрите на странице сайта <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/viktoria-pelshe.html?source=fine-arts>

Так было тогда, в 90-х, так получилось и двадцать лет спустя, когда летом 2015-го мы снимали ее большую персональную выставку в галерее Rietumi banka. О ней, кстати говоря, коллега Пельше художник Артур Никитин сказал, что впервые за многие-многие годы видит местную экспозицию настоящего европейского уровня.

Описывать, рассказывать о скульптуре - затея заведомо неблагоприятная; видеть надо. У кинокамеры возможностей вроде бы побольше, но и она не передает плотности фактуры, материала, напряженности среды, всей атмосферы, по-особому заряженной присутствием настоящей скульптуры.

Сомнительной может показаться и эта очередная наша идея – представить отдельным автономным текстом сказанное Викторией Робертовной на съемках фильма. Как штрихи к портрету Художника.

Но – читайте.

И до той поры, пока, как говорили в стародавние времена, провидению не станет угодно еще раз представить работы Виктории Пельше ценителям и любителям ее творчества, положитесь на собственное воображение и интуицию.

Людмила Нукневич

«Музыка» скульптуры

...Что такое скульптура, пластика? Пластика... пластика — путь для глаза, по-другому я не могу сказать... Нельзя остановиться, скажем, вот тут и не пойти дальше. Идешь взглядом по скульптуре, и та начинает двигаться, выражаться начинает.

Хотя бывают такие скульптуры — бух-пух-пух, один раз посмотрел, и все ясно (*смеется*). Ну нету никакого хода. Притом, что человеческое тело имеет бесконечное число пластических ходов.

Как возникает идея скульптуры и сама скульптура? Бывает по-всякому. Если речь идет о натуре, то когда-то, конечно, что-то виденное. Может быть, даже чужая работа, но в основном увиденное в жизни.

На пляже?.. Нет-нет, на пляже человеческое тело не производит на меня впечатления, будь оно хоть красивое-прекрасивое. В бане?.. О, баня для меня особый подарок, это моя, так сказать, пластическая подпитка.

Вообще же ощущение пластики появляется снаружи. Появляется, как музыка, - извне. Начинается какое-то волнение, хорошее такое волнение.

Не источник, а скорее условие его появления - среда, атмосфера. Атмосфера! И ощущение пространства. Первый раз это чувство пространства появилось, когда я работала у Эрнста Неизвестного. Я осознала, что такое пространство. Это не зеркало реальности, не поза, не пластика. Ощущение пространства вообще. Пространство, оно очень связано с ощущением среды, напряженностью среды. И это моя основа, моя почва, это воздух скульптора. Поза, движение, глаза – это уже потом. Жизнь в пространстве!

Процесс вхождения в работу похож на раствор, который насыщается, насыщается, насыщается, и в какой-то момент — раз, и выпадает кристалл.

...А знаете, хорошо, когда время от времени кто-то к тебе приходит и что-то пытается из тебя выжать. Вы заставляете меня подумать. Я же не задумываюсь, зачем леплю, почему так, а не иначе. Во всяком случае так мне кажется, что я об этом не думаю. Может, мысль моя сидит, образно говоря, где-то в пятке. А когда рассказываешь, приходится ее поднимать на-гора, как уголь добывать. Из пятки. У меня мысль сидит в пятке! (*смеется*).

Начало начал, или История Яблока длиной в 30 лет

...Я хорошо помню, как это было. Студия на Дунтес, и перед окном – прекрасная груша. И очень было красиво весной, когда она зацветала. Этот момент цветения всегда волнует. И, надо сказать, до сих пор волнует (*улыбается*). Вот так оживает ветка, потом почечки вдруг на ней набухают, потом все распускается, из этих почечек в конце концов плод получается. Все это чувствуется уже в самом начале. И мне захотелось этот момент... как точнее сказать?... - момент весны, момент начала, что ли, запечатлеть. Сказать я так не могу, как чувствую... В общем, такая тоненькая веточка, сухая, безжизненная, и вдруг на ней появляется жизнь, медленно, как чудо такое, постепенно, постепенно.

Отсюда Яблоко. Правда, там у нас была не яблоня, а груша, но груша по форме не подходит. И потом, яблоко все-таки - более древний символ. Ева и яблоко, женское начало, вообще начало. Грехопадение Евы опять же.

Каким будет это Яблоко, я увидела далеко не сразу – тридцать лет спустя. Увидела и - сделала дня за два. А в голове идея жила долго и сделалась моей навязчивой идеей, моим несчастьем, моим, если хотите, комплексом неполноценности. Потому что не смогла я тогда, тридцать лет назад, этого сделать. Мне не хватало чего? Не хватало пропорций, вот этой тяжелой массы в основании и... как его назвать? Ну, скажем, ростка. Разреза не хватало. Хотя верх меня устраивал, а низ... ну как

куль с мукой, если не сказать похлеще (*смеется*), тяжелый такой, бесформенный.

Короткий обмен репликами между Светланой Хаенко и Викторией Пельше, глядящих на фигуру Обнаженной; скульптура подсвечена по случаю кино съемки.

Светлана: Знаешь, что интересно? В тебе есть нечто лукавое, эротическое...

Виктория: Во мне вряд ли - в моих работах *(обе смеются)*. *Светлана:* Но получается очень сексуально, даже не эротично. Что ты вообще думаешь об эротике в работе?

Виктория: А я об этом как-то не думаю. Абсолютно, надо сказать, не думаю. Я просто делаю. Меня всегда немножко возмущало в нашей скульптуре, когда из тела делают полено. Это, может быть, мой протест... *(вздыхает)*.

Вот вы спрашивали, что для меня тело. Тело – это замок души. Душа не может жить в бревне *(смеется)*, дубовой такой, грубой. А чувственность? Ну, никак я не думаю об этом. Это получается, скорее всего, из моего отношения к живой жизни тела. Жизнь тела, да? Как по-другому сказать?..

Люди, годы, жизнь

О торсе девочки по имени Таня, человеку из Цесиса и о Роберте Пельше

Вы знаете, мне все говорили по поводу девочки – ты что, свой портрет сделала? В общем-то я делала... но это очень личное, даже говорить трудно...

Для меня портрет это не так портретируемый, как, пожалуй, я сама, мое отношение. Я тут для выражения своего немножко выступаю эксплуататором чужой формы. Может быть, самой себя той, в четырнадцать лет. Но, когда тебе далеко не четырнадцать лет, лепить себя с таким выражением, с таким чувством было бы нелепо.

Хотя дело в том, в человеке сохраняются все его выражения, начиная с

младенческих лет. Пожалуй, в общем-то, я занималась собой. Собой четырнадцатилетней. Я не говорю, что считаю себя такой девочкой, я вот делала Старика, и в нем тоже видела свои года, свои проблемы. Может, память моих предков тогда во мне начинала говорить.

О, Старик - это совсем особая история! Приходил вот этот человек. Я не знаю, помнит ли его еще кто-нибудь. Он мне позировал и рассказывал. Жил

он богатым человеком в буржуазное время. У него два высших образования. А любил он — овец. Он мне показывал фотографии своих овец. Они были более породистые, красивее, чем эта девочка. Античная красота. И когда случилось то, что случилось, Старик простился со всеми своими богатствами, своими землями, и осталось у него несколько овец, самых красивых. И он их никому не отдал. Он их содержал. Это была его любовь.

Таких тактичных, таких глубоко понимающих собеседников встретишь нечасто. Одно удовольствие было с ним беседовать. Кроме того, это был светский человек. Мудрый, светский, воспитанный, образованный человек в виде нищего. А в Цесисе его считали просто сумасшедшим. На самом деле это был по-настоящему свободный человек, понимающий суть жизни, — зачем он живет, для чего он живет. То есть человек с большой буквы.

(Пельше, в ответ на реплику со стороны: «Вы, однако, неисправимый идеалист!»)

Да, я дочка своего папы, дочка, так сказать, времен социалистической революции, идеалистка.

Мой папа был идеалист. Хотя и не очень. Оказывается, он начал свою революционную деятельность с того, что был боевиком. Он защищал митинги в 1905-м. Это было для меня очень странным открытием. Я-то

считала, что он мягкий такой интеллигент. А он, как обнаружилось, начал с, так сказать, боевых действий (смеется).

Короткая биографическая справка по ходу дела

Роберт Андреевич Пельше (1880-1955). Участник революции 1905-1907 годов в Латвии. В 1912 году эмигрировал в Париж; секретарь Парижской секции СДЛК. Участник октябрьских событий в Москве в 1917 году.

В 1920-1924 годах на дипломатической и советской работе.

Профессор, академик АН Латвийской ССР, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР, доктор филологических наук. Основал Институт этнографии и фольклора АН Латвийской ССР.

Зав. кафедрой искусствоведения ЛГУ, декан филологического факультета.

Член Союза писателей СССР. Автор множества научно-исследовательских и литературно-критических статей.

Погиб трагически – был сбит машиной в центре Риги.

Про духовное. И про зверей

Духовное тоже существует, но все-таки на первом месте в искусстве стоит идея формальная.

В начале творчества я была больше в себе. Сейчас я больше вижу то, что вокруг. Например, раньше я не ценила такой вот день, как сегодня, серый, а сейчас смотрю — он прекрасен, серый, просто серый день.

Хотя знаете, это чревато. Потому что видишь слишком много красивого вокруг, притом что в искусстве должна быть какая-то сосредоточенность на своем. А моё мне надоело, разонравилось, понимаете? И я теперь уже слегка теряюсь в мире.

Но и сосредоточенность на своем чревата - неизбежностью повторов.

Вот поэтому, наверное, мне звери нравятся. Попробуй сделать одинаково филина и орангутанга. Я начинала со зверей, и сейчас мне тоже нравятся звери. Вот сейчас я медведя с медведицей делаю. Другая пластика, другая

идея. Хотя есть в них и общее - я их все-таки очеловечиваю. Это, может быть, недостаток, а может, и достоинство...

Чем еще звери интересны? А тем, что они откровенны. Ну, иногда они, конечно, нападают, устраивают засады, да, хитрят иногда, но они не фальшивят. Хитрят они поступками, а не внешним видом.

И животные мне просто нравятся — мне нравится пластика, разнообразие форм, характеров, и тем еще нравятся, что не надо шибко убиваться из-за

анатомии.

О мифологических сюжетах

Откуда мой интерес к мифологии? А в том, наверное, дело, что животных, разных животных, очень много на этой земле, но в наше человеческое сообщество они как-то не встроены. Мифы же встраивали животных в человеческий мир, понимаете?

Скажем, «Леда», классический сюжет в живописи. Меня в нем привлекает возможность соединения формы лебедя с формой человека.

Или «Похищение Европы». Сюжетная вроде бы вещь, но в работе мне был интересен контраст: мощный бык, такая большая бычья масса и - «ажурность» женщины.

Икар – это другая история. Икар стремился в небо, стремился к солнцу, но... как и для многих людей, для меня в каком-то смысле тоже, - это стремление кончается падением.

Что?.. Наказание за гордость, за гордыню? Нет, это меня это не волнует.

... Да, мои Скифские бабы где-то там, в глубине, похожи на тотемы. У меня мамаша была очень деспотичная, из-за чего у меня пропало восемь лет жизни. Папа говорил, если ты не гений, то искусством прожить не сможешь, а мама просто считала, что я балуюсь. И еще друг у меня был, Володя Боголюбов, артист. Так он все повторял: талант - и при этом кого-то там называл, - у него сразу все получается! А ты не талантлива. В общем, давили на меня с разных сторон. Я хотела уже на третьем курсе Политехнического уйти учиться в академию, поняла, что техника - это не мое. Окончательно поняла, что лучше заниматься своим, хоть бы и бездарно, чем делать то, что тебе не нравится категорически. Когда я оторвалась от мамочки, от всех внешних влияний, я совсем в другую среду попала...

А «Двуликий Янус» родился чуть ли не случайно. Я делала работу для московского телецентра к Олимпиаде-80, и в качестве поощрения заказчик подарил мне билет в Большой театр. Я пошла. На сцене танцевали двуликие. У них с одной стороны лицо, с другой — маска, и они то одной стороной к нам повернутся, то другой. В этой двуликости есть идея деспотизма. С одной стороны – деспот, тема, надо сказать, близкая нам, тот же Сталин. А с другой стороны Янус - такой мирный, добрый, он заботится, он помогает. Кому-то же и при Сталине жилось хорошо. Любая деспотия имеет и своих рабов, и, так сказать, своих друзей.

И деспоты — те же Гитлер, Сталин — они ведь все были близки к оккультным наукам, а это, как ни крути, определенный набор энергий.

«Дела оккультные»

Да, оккультизм мне интересен. А я вам разве не рассказывала? Я уже сто раз пересказывала этот случай из моей жизни.

Один чудной журналист придумал акцию: надобно, чтобы известные в Латвии люди собрались вместе и слепили барельеф на тему основных религий. Чтобы сделать более или менее приличный, нормальный профессиональный барельеф, отдали его на доработку мне. Так вот, когда эта вещь была слеплена, барельеф уже отлит, меня пригласили на какое-то

собрание бизнесменов. Перед этим собранием, в обед, смотрю я на барельеф и соображаю, что бы мне надеть. Не понятно, как одеться. А перед окном стоит моя машина. И вот, значит, смотрю я в окно и вижу — идет некто. В балахоне таком, желтовато-грязноватом балахоне. Странная какая-то маленькая голова, на ней тоже балахон. Идет неспешной походкой, усталой слегка.

Станный, думаю, человек. Сейчас он постучится в мастерскую, и я узнаю, кто такой. Проходит время — никто не стучится. А я видела его совершенно четко, он шел между окном и машиной, и он не просвечивал. Абсолютно натуральный мужчина. Открываю дверь — ни-ко-го. И, главное, снег только что выпал, а следов — нет. Снежок падал, чистый, белый — и ничего, ни одного следа.

Ну не тогда, конечно, но я для себя давно решила, что есть все это, — есть параллельный мир, оккультные вещи есть, просто мы в большинстве своем пропускаем их мимо ушей. Я принимаю их чисто теоретически, потому что скульптура весьма прозаическое дело, а оккультный мир... Вот был тот случай, куда от него денешься? И это была не галлюцинация. Вы же знаете, я нормальный человек, без завихрений. Но ведь передо мной тогда был барельеф с пятью религиями, понимаете?..

Еще несколько вопросов между делом и по существу

Вопрос: Вам нравится, когда вас называют живым классиком?

Ответ: Ой, это меня немножко смешит (*смеется*). Потому, что какой же я классик-то? Мои работы, они все очень даже деформированные, вовсе не классические. Такая обманчивая видимость классики. Чисто классических работ у меня, пожалуй, только две — женский торс и мужской торс. Они в основе своей классические, в них нет деформации, они довольно реалистичны.

Правда, если сравнивать с современными инсталляциями, я, конечно, классик. Классика может быть в подходе к пространству, к материалам, к инструментам скульптуры, к инструментам воздействия на человека.

Вот греческая скульптура — это, на мой взгляд, классика.

Вопрос: Времена на дворе для художников нынче трудные, как, впрочем, и любые времена. Что вам помогает держаться в седле?

Ответ: Единственное сейчас, что меня держит на плаву, как мне кажется... Смысл моей жизни, как и моей деятельности, в том, что видишь красоту. Это для меня... смысл жизни? Нет, так нельзя говорить. Это не смысл жизни — это награда, которую получаешь. Просто видишь красоту.

Каждый вид деятельности может открывать, то есть должен открыть красоту. Если эта деятельность идет в правильном направлении.

Вопрос: Как вы думаете, красота спасет мир?

Ответ: Не знаю, но меня она, точно, спасет. Для меня это наслаждение. Если я не буду видеть красоту, мне станет незачем... быть. Бессмысленно. И не знаю, как там насчет Бога, но вот в ноосферу я, точно, верю. Мое видение красоты оно не пропадает, оно где-то там запечатлевается...

Вопрос: Будь у вас много-много денег, могли бы вы не работать, не заниматься скульптурой?

Ответ: Не могла бы. Но, боюсь, по прозаической такой причине — просто мне больше ничего не интересно в этой жизни. Я получаю удовольствие, только занимаясь своим делом, — пластикой. Особенно если хорошо получается. Пластика, скульптура как бы приобщает меня к жизни. Это не какая-то моральная заповедь, это... даже сложно сказать, что это...

Ну, еще природа меня привлекает, но чтобы не только гулять, отдыхать, — нет-нет. Сейчас я отдыхаю после выставки, но уже чувствую, что-то во мне «набрякает».

Вопрос: Вы сказали, что разлюбили свои работы, прежние. И что, может быть, это потому, что не видите интереса к ним. А между тем на выставку в галерее Rietumu banka пришла тьма народу.

Ответ: Действительно. И я не ожидала такого обилия тепла, направленного в мою сторону (*улыбается, слегка как бы растерянно*). Не знаю даже, что еще сказать... Я себя от своего искусства не отрываю, но такого притока тепла я не ожидала. Почему-то не думала я, что столько людей интересуются тем, что я делаю. Это послужит мне какой-то опорой на остаток жизни.

Вопрос: Стало быть, выставка вернула вас к работе?

Ответ: Не так, может быть, к работе, как к моим работам.

Вопрос: Теперь вы бы не сказали, что ваши работы не нужны людям?

Ответ: Не-а, не сказала бы! (*заразительно смеется*).

Монумент Виктории Пельше «Даугава»,
установленный неподалеку от Рижского морского пассажирского вокзала